

4. Шурупова М. В. К вопросу о специфике языка интернет-коммуникации в англоязычной среде // Казанская наука. Казань: ООО «Рашин сайнс». 2020. № 2. С. 128–130.

УДК 882:417.3

*О. С. Шурупова (Липецк, Россия)
Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Концепт ПЕЧАЛЬ в рассказе Марко Вовчок «Тюлевая баба»

Статья посвящена анализу особенностей репрезентации и интерпретации концепта ПЕЧАЛЬ в рассказе Марко Вовчок «Тюлевая баба». Данный концепт реализует в текстовом пространстве многообразные признаки, участвуя в создании яркого образа провинциальной жизни.

Ключевые слова: концепт, признак, Марко Вовчок, «Тюлевая баба», печаль, провинциальная жизнь

Обращаясь к истории русской литературы, нельзя не признать: ее прославили достижения Пушкина, Достоевского, Толстого, но их величие обеспечивалось творчеством таких «местночтимых» художников слова, как Марко Вовчок, почти единственная женщина-писатель в XIX веке, «русская мадам де Сталь», из-под пера которой вышли несколько романов, повестей, литературных сказок, а также два цикла рассказов, имеющие, по замечаниям исследователей, много общего с «Записками охотника» И. С. Тургенева и «Миргородом» Н. В. Гоголя.

В данной статье предпринята попытка анализа рассказа Марко Вовчок «Тюлевая баба» с точки зрения его концептуальной сферы, воплощающей своеобразие русской души, особенности национального восприятия окружающей действительности, наконец, отношение отдельного человека и всего народа к цели и смыслу жизни. Концепты как единицы информации, составляют, по словам В. И. Постоваловой, «наиболее глубокую, сокровенную и трудноуловимую часть мира духовной культуры, которая лишь частично объективируется в лежащей в ее основании картине мира» [6, с. 16]. Будучи динамичным смысловым образованием, концепт может актуализировать в различных ситуациях разные признаки, связанные с мировоззренческими, культурно-историческими, культурно-языковыми, индивидуально-смысловыми смысловыми оттенками, привносимыми в концепт в соответствующей лингвокультуре.

Обращение к ключевым концептам художественного текста, получившим языковую репрезентацию в его пределах, позволяет, таким образом, установить особенности как индивидуально-авторского видения действительности, так и глубоко национального восприятия мира. В работах, посвященных творчеству Марко Вовчок, этот автор, как правило, характеризуется исключительно как «борец против ненавистного крепостничества», «обличитель социального зла» и т.д. [5, с. 114]. Однако исследование текста позволяет увидеть в нем гораздо большее, чем просто обличение несправедливого общественного строя.

Рассказ Марко Вовчок раскрывает сущность жизни провинциального дворянства, на первый взгляд, мирной и счастливой: замужние дамы заняты хозяйством, приготовлением запасов на зиму и выпечкой пирогов, кавалеры и барышни гуляют по аллеям и играют в жмурки, а городничий разводит певчих птиц. Однако в ходе языкового анализа текста выясняется, что особенную роль в реализации художественного смысла произведения играет концепт «печаль», который является фундаментальным для русской культуры.

Следует отметить, что данный концепт достаточно значим для творчества Марко Вовчок: тема печали проходит практически через все произведения автора. Свои печали есть как у крепостных героев, кротко и терпеливо сносящих тяжелый труд и унижения («Рассказы из народного русского быта»), как у представителей духовенства («Записки причетника»), так и у хозяев богатых помещичьих усадеб («Три сестры», «Живая душа», «В глуши»). В рассказе «Тюлевая баба» печаль характеризует жизнь каждого из персонажей произведения:

«...А Анна Федоровна была сама не своя... Хотя она говорила молодой ласковые слова, но во взгляде у нее была только тревога, в лице *печаль*, голос неровный» [1, с. 200].

«И Петр Дмитрич умолк: он стал глядеть на Глафиру Ивановну так пристально и *печально*, точно с ней случилось несчастье» [1, с. 215].

«Она (Глафира Ивановна) поспешно одевалась, торопила *печального* мужа, посылала людей одного за другим, чтобы скорей подавали лошадей, и они ехали к Анне Федоровне» [1, с. 205].

«Сильней заныло сердце у Алексея Петровича, и большая его грусть взяла и *печаль*» [1, с. 208].

«Анна Федоровна сидела в кресле бледная и *печальная*; при громком слове она вздрагивала, при всяком шуме или стуке вскрикивала» [1, с. 208].

«-Мне твоя тетушка понравилась, Алеша; только что она такая *печальная?*» [1, с. 200].

«Анна Федоровна *печально* ему улыбнулась и ответила...» [1, с. 201].

Изучение историко-этимологических данных позволяет установить, общеславянское происхождение слова «печаль», в настоящее время имеющего несколько значений. По свидетельству Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой, это

слово первоначально обозначало «то, что жжет» [8, с. 232]. В.И. Даль приводит следующее толкование слова: «Печаль – жаль, грусть, тоска, скука, сухота, горе, туга, боль души, кручина; чувство внутреннее //забота, гребта, печа, усердные и сердечные хлопоты о чемь, рвенье на чью пользу, застой, заступничество //жаль, жаленое, печальное платье, траур» [2, с. 124]. Необходимо обратить внимание на особое значение данного концепта в древнерусской словесности, где печалью называли один из грехов, связанный с унынием, сомнением в Боге, малодушием, ропотом на Провидение за ниспосылаемые испытания. Так, в Полном церковнославянском словаре Г. Дьяченко слово «печаль» истолковано следующим образом: «скорбь, уныние, забота, попечение, посупление лица, принокновение, склонность к земному... Печаль мира сего бывает от потери земных польз, или от зависти о чужом добре, или от страха наступающей временной казни...бесполезна и порочна» [3, с. 421].

Таким образом, концепт ПЕЧАЛЬ обнаруживает такие признаки, как «чувство грусти», «горе», «скорбь», «боль души», «забота», «беспокойство» [7, с. 117], а также «уныние», «грех». Печаль – это особое душевное и духовное состояние русского человека, порожденное излишними попечениями о земном, греховном и способное привести к весьма тяжелым последствиям, в том числе к духовной смерти. Можно утверждать, что концепт ПЕЧАЛЬ в рассказе «Тюлевая баба» реализует несколько признаков и позволяет автору выразить тончайшие оттенки смысла, которые, переплетаясь, образуют сложное содержание.

Разумеется, у каждого из персонажей своя печаль: Анна Федоровна Журбовская, всеми соседями уважаемая за набожность и любовь к хозяйству, мучится мыслью о том, что молодая жена племянника «так бабы печет, что с ней никто в мире не может сравниться» [1, с. 199], Глафиру Ивановну заставляет плакать уязвленная гордость, Алексей Петрович, горячо любящий свою супругу, огорчен ее соперничеством с когда-то дорогой ему тетушкой, их соседей печалит закрытые лавки, а вид тюлевой бабы вызывает «бурю в душе» всех уездных дам. Анализируя духовное состояние героев рассказа, можно сделать вывод, что это горькое чувство развивается, охватывая все большее число душ и все более значительное пространство (от Анны Федоровны и ее дома, а затем и усадьбы четы Саковских до города и, наконец, всего уезда). Из-за порожденной все той же печалью вражды деревень, которыми владеют помещица и ее племянники, страдают ни в чем не повинные соседи, городские торговцы и, наконец, гибнет жена наказанного по ходатайству Анны Федоровны торговца Мошки. В развитии печали присутствует определенная градация: в тексте постепенно появляются синонимы «грусть», «беспокойство», «огорчение», «тревога», «тоска», «томление», «горе» – и если вначале главная героиня только «задумчива», то впоследствии она, как и окружающие ее люди, проходит через все степени печали.

Однако внутренние томления уездных дворян сопровождаются наружным оживлением. Героини заняты хозяйством («...Пойдет сушеные плодов, соленья разные, маринованья, – ах, какая беготня тогда, какой шум, говор, как все смелы тогда!» [1, с. 202]), покупкой муки для пасхальных баб, пересудами, а на страстной неделе, когда русский человек привык молиться и вспоминать о страданиях Христа, для озабоченных подготовкой к праздничному обеду дам «приходит настоящее бедствие» [1, с. 208]. Наконец, после Пасхи между ними начинается война, которая только «смертью...прекратится». Таким образом, в самих действиях персонажей реализуется важные оттенки значения рассматриваемого нами концепта: с одной стороны, печаль предстает как деятельные «забота, усердные хлопоты, рвенье...», с другой – как суета, пустое и бесполезное попечение о земном, не приводящее ни к чему, кроме вражды ближайших родственников, когда-то любивших друг друга. Известно, что русский человек всегда осуждал подобное поведение, доказательством чему служат народные поговорки «На сем свете мы в гостях гостим», «За недосугом когда-нибудь без покаяния умрешь», «Червь капусту съедает, а сам прежде пропадает», «Из больших хором – не знаем, куда попадем» и т.д. Он стремился к некоему высшему началу, берег надежду на неведомое Царствие Небесное, ожидавшее его после смерти, и в самые тяжелые минуты не забывал о Боге, ниспосылавшем все скорби и радости. Что касается персонажей рассказа, они, погрязнув в житейских хлопотах, не вспоминают ни о чем, кроме хозяйства и мелочной вражды. Один из них случайно произносит библейское изречение, хорошо знакомое русским людям: «Не о хлебе едином жив человек», – но эти слова проходят незамеченными. Жителей Журбовки и Саковки постепенно охватывает все более глубокая печаль, начало которой кроется в каждодневной суете и попечениях о бабах «с ананасовым духом» и коробочках на пирожное. В конце концов, несмотря на все занятия и хлопоты, печаль как грусть, тревога и горечь входит в жизнь каждого персонажа и не обходит даже молодых супругов. Их, на первый взгляд, счастливую жизнь в тихом провинциальном уголке омрачает «боль», которая незаметно губит человека, предавшегося ей. Печаль распавшейся семьи подобна болезни (в соответствии с признаком «боль души») и способна вызвать гибель. Не случайно «печальная» Анна Федоровна жалуется на нездоровье, а когда-то резвый и веселый Алексей Петрович, утратив былую живость, «совсем захирел от этих страхов и беспокойств» [1, с. 220].

Анализ концепта «печаль» позволяет сделать вывод и о дальнейшей участи героев: В.И. Даль связывает печаль с трауром и смертью. Это душевное состояние обесмысливает жизнь человека и приводит к гибели. В таком случае символична смерть жены торговца мукой, не выдержавшей своего горя. Разумеется, после обращения к концептосфере рассказа еще более резкими становятся завершающие его слова о смерти: «Годы идут, и война идет у Глафиры Ивановны с Анной Федоровной. Только смертью, должно полагать, война их

прекратится. А смерть, и самая дальняя, не за Бог весть какими горами...» [1, с. 224]. Печаль-забота, печаль-грусть, печаль-болезнь приводят к печали-смерти, омрачающей даже праздник Христова Воскресения: герои встречаются его со слезами, «словно ослепленные». Они христосуются холодными губами, тревожась и молясь лишь о том, чтобы праздничная трапеза понравилась гостям. «Если бабы где удались, так люди там веселы, разряжены; по двору бегают собаки, хозяйка из окна глядит... А не удались бабы, то во дворе пусто, всякое животное избито и прячется, люди угрюмы, хозяйке нездоровится» [1, с. 213].

По замечанию И. А. Есаулова, «эйдос Воскресения пронизывает отечественную словесность... Не законническое осуждение грехов ближнего, а надежда на благодатное и милостивое спасение его: в этом нерв отечественной словесности» [4, с. 47]. Пасхальность присутствует и в рассказе Марко Вовчок, которая описывает празднование Пасхи в провинции. Однако концепт ПЕЧАЛЬ, занимая ключевую позицию в смысловой организации рассказа, противостоит концепту ПАСХА. Печаль даже пасхальный кулич (тюлеву бабу) из символа жизни превращает в предмет раздора, вражды и, в конечном счете, эмблему духовной смерти героев. Завидуя, соперничая и заботясь исключительно о вкусовых качествах тюлевой бабы, а не о духовной подготовке к празднику, герои рассказа подчиняются печали и духовно гибнут, невзирая на их внешнее благополучие. Вместо кулича как символа присутствия воскресшего Христа они получают просто удавшуюся или неудавшуюся выпечку, а вместо духовного воскресения движутся к духовной гибели. Ужас происходящего не в несовершенном социальном строе, а в сознательном и постепенном отходе героев рассказа от нравственных норм.

Художественный смысл рассказа раскрывается при исследовании его концептуальной сферы, обращении к анализу концепта ПЕЧАЛЬ, признаки которого реализуются в тексте следующим образом: герои которого переживают печаль-заботу, печаль-тоску, печаль-болезнь и, наконец, печаль-огонь, печаль-смерть. Внешне благочестивые, они постепенно впадают в грех печали, причем автор показывает все его ступени: от излишних суеты и легкомыслия, от попечений о земном до уныния, ропота и ненависти к самым близким людям. Печаль «сжигает» души провинциальных дворян, убивает их лучшие качества, превращая родственников в смертных врагов, а мирный уезд в поле битвы между когда-то любившими друг друга тетушкой и племянниками.

Таким образом, данный концепт, получая репрезентацию в рассказе, реализует практически все свойственные ему признаки, что позволяет писательнице создать яркий образ уездной жизни. Художники слова, творившие во второй половине XIX века, тяготели к изображению русской глубинки, провинции, которая представляла то благодатной, овеянной особой поэзией, то духовно опустевшей. В данном рассказе Марко Вовчок, подобно М. Е. Салтыкову-Щедрину и А. П. Чехову, раскрывает природу духовного кризиса провинции, постичь ко-

торую в полной мере помогает анализ концептуальной сферы произведения, с горечью и тревогой говорит об оскудении провинциальной жизни, призывает к преодолению «печали», охватившей русского человека.

Литература

1. Вовчок М. Тюлевая баба. Сборник рассказов. М.: Худож. лит., 1984. 536 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 3. 560 с.
3. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М.: Отчий дом, 2001. 1120 с.
4. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
5. Липецкий энциклопедический словарь / сост. проф. В. В. Шахов. Липецк; Рязань: ГЭЛИОН, 1994. 512 с.
6. Постовалова В. И. Язык и духовный мир человека. Религиозные концепты в «антропологическом» представлении // Живодействующая связь языка и культуры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. юбилею докт. филол. наук, проф. В. Н. Телии: в 2 т. М.; Тула: Изд-во Тул. гос. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010. Т. 1. С. 13-27.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985-1988. Т. 3. 752 с.
8. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М.: Дрофа, 2003. 400 с.